

С.К. Осипов

Результаты трансформации протестантских ценностей в либеральные в современном обществе

На современном этапе можно говорить о том, что протестантизм себя изжил и что западное общество живет сейчас в постхристианском мире. В чем же состоял механизм саморазрушения протестантской цивилизации? Этот механизм был заложен уже догматикой Лютера. Его отрицание таинств было фактически непризнанием реального существования духовной составляющей бытия и сосредоточением всего внимания только на его материальной составляющей. Понятие «успех» стало трактоваться как достижение вещественных, практических результатов, которые поддаются точному измерению. Естественно, что

мерилом успеха стала такая легкоизмеримая вещь, как деньги. Будучи вначале лишь средством, они постепенно становились главной целью, и так протестантизм привел к первой стадии обездуховленности человека – к плутократии, власти богатства, денег. Период утверждения этой новой формы власти начался формированием буржуазного уклада жизни, ознаменовавшим в конечном итоге падение нравственности. Следующим этапом для протестантского общества стало вступление в новую фазу духовной деградации, ознаменовавшей освобождение капитала от всех вещественных носителей. Так как материя не может управлять материей, и по принципу дополнительности: чем конкретнее становится жизнь, тем абстрактнее должна делаться идея, ее регулирующая. Результатом стал выпуск ассигнаций, а сравнительно недавно перешли на более отвлеченную валюту: банковские счета, доступом к которым являются кредитные карточки.

Современному западному человеку присуще религиозное безразличие, для которого характерно восприятие религии как частного дела, о котором неприлично разговаривать в общественных местах. В.Р. Легойда в одной из своих первых статей о религиозности в США приводит тому множество примеров, среди которых: замечание, сделанное средствами массовой информации жене президента Хиллари Клинтон, которая надела слишком заметный крестик; запрещение проводить в школе рождественскую елку; запрет учителю в штате Колорадо держать на столе Библию [1].

Однако явление это относительно новое. Ведь еще не так давно в Европе бушевали религиозные войны и делались попытки немедленно установить на земле Царство Божье (например, религиозная диктатура Ж. Кальвина в Женеве). Религия и политика считались неразрывными, даже сейчас в Европе и Америке сохранились рудименты сращивания религии и политики.

Сегодня религия становится элементом частной жизни человека и не выполняет никаких общественно-политических функций. И вполне справедливо говорят о феномене приватизации религии в современном обществе. Став только частным делом, религия утратила свои социально-регулирующие функции, перестав определять объективность общественных ценностей и авторитетно утверждать цели развития общества. Но при этом упускают из виду тот непреложный факт, что общество без ценностно-целевых систем теряет смысл своего существования и ввергается во всеобщую аномию. Объективно необходимой для придания хотя бы относительной стабильности социальной жизни становится замена исторически сформировавшихся религиозных идеологий, и такие суррогаты сегодня имеют место быть повсеместно.

В Западной Европе религиозные поиски интеллигенции, увлеченной разными формами «нетрадиционной духовности», демонстрируют, что она стремится вытеснить из своего духовного мира представление о Божественном Субъекте. Возникает особая форма религиозности – «религиозность без Бога». В понятие Бога вкладывается смысл «нейтральной» – в нравственном отношении – «космической силы», в которой соединяются объект и субъект [2]. Главной чертой, которую западная интеллигенция отвергает в христианстве, и отсутствие которой привлекает ее в язычестве или буддизме, является, по нашему мнению, понятие греха и загробного наказания, которые не укладываются в мораль гедонистического западного общества. Приватизация религии приводит к приватизации морали: каждый человек лично для себя решает, что морально, а что – нет. Разумеется, в конечном итоге моральным оказывается все, что доставляет удовольствие. Гедонизм постепенно превращается в единственную религию западного общества.

Христианские идеалы и ценности, являющиеся глубинными основаниями современной цивилизации, сегодня теряют свое былое значение: разрыв между ними и эмпирической реальностью нарастает. Ареал христианских ценностей начинают замещать ценности иного ранга и порядка – гедонистические.

Д. Белл, крупнейший социальный мыслитель, подчеркивал, что центральное место в современной западной культуре занимает гедонизм. По его мнению, именно в 1960-е гг., в противовес пуританству, оформилась современная гедонистская мораль. Однако сдвиг в системе ценностей западного общества наметился еще раньше, в 1920-е гг., когда в результате массового производства и роста потребления стала преобразовываться жизнь среднего класса: аскетические побуждения начинают уступать место расточительным импульсам.

В контексте постмодернистской культуры тема гедонизма, удовольствия и соблазна становится особенно актуальной. Постмодернистское общество избрало своим императивом наслаждение, а своей стратегией – соблазн. Идея жизни «не по духу», «а по телу», присущая современной западной цивилизации, была точно выражена французским философом Ж. Бодрийяром: «Теперь не говорят уже: «У тебя есть душа, ее надлежит спасти», но: «У тебя есть пол, ты должен найти ему хорошее применение», «У тебя есть бессознательное, надобно, чтобы «оно» заговорило», «У тебя есть тело, им следует наслаждаться», «У тебя есть либидо, нужно его потратить» и т. д. [3].

Накатившая волна гедонизма накрыла современную культуру, изменила ее облик. По мнению французского философа Ж. Липовецки, изменившийся стиль жизни изменил тип культуры, за которым после-

довали коренные изменения в обществе, его нравах, в современном человеке, живущем в эпоху массового потребления; возник совершенно новый способ социализации и индивидуализации, началась новая фаза в истории западного индивидуализма. Результатом этих перемен стало появление нового типа человека с повышенным вниманием к самому себе и своему телу, заботящегося о собственном благополучии, которого Липовецки именуется нарциссом. На смену дисциплинарной социализации идет гедонистическая персонализация, связанная с раскрепощением личности, нейтрализацией социального пространства и оживлением сферы частной жизни [4].

В современном гедонистическом обществе происходит процесс деформации личности, обусловленный сужением горизонта ее бытия, разрушением ценностной вертикали, господством «внешнего человека» над «внутренним». И жизнь человека, и сам человек в таком мире овнешневаются, теряя существенность, глубину, внутреннее содержание; неизбежным следствием гедонизма является духовный кризис, утрата человеком чувства гражданственности, индивидуализм, эгоцентризм и безразличие к общему благу, озабоченность только своими частными интересами.

Гедонистические устремления человека оборачиваются опустошенностью и смысловой выхолощенностью: плененный «хищными вещами» и соблазнами, он тратит свои силы и энергию на поиск новых, еще не испытанных удовольствий. Жизнь «не по духу», а «по телу» – следствие нарушения должной иерархии антропологических ипостасей. «Утилитарные и гедонистические ценности «цивилизованного мира», – отмечает Б.Н. Тарасов, – производят такую огранку человеческой души, при которой незаметно атрофируется ее «высшая половина», а воля приковывается к низшим этажам существования» [5].

Невостребованность метафизических глубин, разрушение сакральных основ бытия ведут к угасанию духа, к атрофии созидательных способностей. Нигилизм по отношению к высшим ценностям и эгоистическое своеволие сопряжены с неизбежной вседозволенностью. Гипертрофия гедонистического начала, характерная для современной цивилизации, видоизменяет саму природу человека: происходит упрощение человеческого сознания, обеднение его ценностно-смысловой сферы, редуцируется духовное измерение человеческого существования.

В культуре влияние гедонизма сказывается, прежде всего, в снижении уровня духовных ценностей, в адаптации произведений искусства к ожиданию и спросу потребителей, в установке на развлекательность. Мощная индустрия удовольствий и развлечений, созданная в современном обществе, – своеобразный индикатор популярности гедонистических

ценностей. Культ гедонизма и чувственных наслаждений – характерная черта современной массовой культуры. Усиление акцента на развлекаемость и удовольствие в масс-медиа проявляется в таком феномене, как «инфотеймент». В режиме гедонистической нацеленности работает реклама, занимающая сегодня место идеологической индокринации. Современные средства массовой коммуникации сыграли решающую роль в том, что гедонизм стал ведущей ценностной ориентацией молодежи.

Гедонизм эволюционирует, порождая новые формы. Так, французский писатель Фредерик Бегбедер, автор романа «Романтический эгоист», называет открытый им вид гедонизма апокалипсическим гедонизмом. «Романтический эгоист», гедонист понимает жизнь как «долгий уик-энд с бокалами бурбон-колы» и убежден, что никто не имеет права помешать ему получить удовольствие даже на фоне мировых катаклизмов, включая 11 сентября. «Апокалипсический гедонизм – вот правильное состояние духа на сегодняшний день. Раз уж мы уверены, что небо непременно рухнет нам на голову, надо немедленно начать жить на всю катушку, это самая здоровая реакция... После 11 сентября мы ничего не должны откладывать на завтра, потому что неизвестно, состоится ли оно» [5]. Бегбедер предлагает «оттянуться напоследок», ведь «третья мировая война – мощный афродизиак».

Гедонизм с его философией и лозунгами «наслаждаться без стеснений», «все и сию же минуту», отходит в прошлое; но вместо безудержного гедонизма возникает гедонизм рациональный, гигиенический, просвещенный. Развиваются технологии с целью приведения человека в надлежащую форму, внедряются щадящая медицина, диетические режимы, средства для релаксации, появляется уйма всяких снадобий по уходу за собой. Эра гедонизма продолжается.

Для понимания места и роли гедонистического феномена в современной социальной жизни стоит обратиться к истории, к истокам. И тогда станет понятным, что этот феномен связан теснейшими узами с процессами гуманизации религиозной сферы, с попытками человека стать равным Богу. И эти попытки невозможно оторвать от общих процессов секуляризации, доминирующим стимулом которой стал индивидуалистический вызов протестантизма с его личностным пониманием сакрального соборно-церковному постижению истины, в том числе и общественной. Вызов протестантизма эффективно способствовал развитию экономико-материальной жизни представителей евроатлантической цивилизации, что обусловило почти всеобщее признание мифологемы о пути, пройденном ею как о единственно возможном для всего человечества. И эта мифологема, скорее же, идеологема, лежит в основании современной стратегии глобализации.

В итоге можно заключить, что протестантские либеральные ценности, которые несет глобализация, содержат в себе не только созидательное, но и деструктивное, разрушительное начало, поскольку они ведут к разложению общества, к появлению все большего количества люмпенов, не способных к созиданию и участию в общественных процессах. Вследствие этого необходимо сказать, что данная общественная модель, основанная изначально на протестантских ценностях, является в конечном итоге тупиковой. Реальной альтернативой этой модели, по крайней мере, в условиях современной России, может стать совсем иная модель общественного развития, исторически формировавшаяся в рамках православного вероисповедания.

Очевидно, что именно православные ценности способны определить те цели, которые смогут дать обществу отсутствующее ранее внутреннее единство, это и будет новым толчком в развитии общественных отношений в будущем. Без соблюдения этих условий западное общество, а затем в скором времени и Россия, могут столкнуться с непредсказуемыми последствиями, способными взорвать социум изнутри.

Библиографический список

1. Легойда В. Современная религиозность: феномен «гражданской религии» в США // Журнал Московской Патриархии. 1997. № 11. С. 67.
2. Мейнарек Х. Религиозность без Бога. Реферат // Кризис буржуазной цивилизации и поиски нового стиля жизни. Реф. сб. Вып.4. М.: ИНИОН, 1984. С. 194-199.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Тарасов Б. Н. Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание). М.: Academia, 1999. С. 250.
5. Бегбедер Ф. Романтический эгоист // Иностранная литература. 2006. № 2. С. 3-112, 67.